

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

На следующий день он снова вернулся домой пораньше. Приготовившись, встал под канал, закрыл глаза и начал покачиваться в такт музыке, пронизывающей душу. Перед глазами прошли воспоминания детства, бережно хранимые в памяти.

В доме ослепительно светло. Салават лежит в колыбели. Он чувствует легкость и негу во всем теле. Но чуть погода ему становится одиноко. Потому что хочется прижаться к матери, спящей на топчане...

Салават в той же люльке. Каждый, кто входит в дом, радостно улыбается и сжимает ему нос, шутливо приговаривая: «Курносый!» А Салавату это не нравится...

Много-много лет спустя мать призналась: «В младенчестве ты был слишком курносый. Мы с соседками сжимали тебе нос и придали-таки нормальную ему форму».

Вот Салават сидит у окна, наблюдая за мальчишками, с шумом и гвалтом играющими на улице. День ясный, погожий. В большой луже плавают льдинки. Один мальчик нагнулся, поднял стекляшку льда, и она ярко засверкала под лучами солнца. Он попробовал льдинку на вкус, нахмурился и выбросил. Затем приметив Салавата, подошел к окну, поглядел немного и с возгласом «Та-а!» скорчил рожицу...

На следующий день и Салавата вывели на улицу. Мама отвлеклась на что-то, а он напрямик прошлепал по луже. Прохладная вода, приятно охлаждающая ноги, просочилась сквозь ботинки...

Когда дни совсем потеплели, перед домом зазеленела трава, зацвели одуванчики. Салават вышел на улицу и, увидев маленьких гусят цвета солнца, просто обомлел. Гусята беспрестанно пищали и старательно щипали травку. Они показались ему удивительно красивыми. Папаша-гусь, вне себя от радости, плясал на старом подносе с зерном. Крохотные солнечные комочки заморозили Салавата. Он сам не заметил, как очутился рядом с гусятами и потянулся к ним. Увидев это, гусак тут же забыл про танец, распростер крылья, вытянул длинную шею и, громко гогоча, яростно набросился на него. Полуторагодовалому Салавату он показался огромным и страшным зверем. Гусак исклевал до крови лицо, шею и руки Салавата. А он не мог противостоять или убежать. Хорошо еще, избежала из дома бабушка и вырвала его у свирепого гусака...

Как только следы от гусиного клюва немного зажили, Салават снова выбрался на улицу. Погуляв по подворью, зашел в чулан и остолбенел — там лежал гусенок! Смерть птенца, так похожего на живой комочек солнца, потрясла Салавата. Как же так? Ведь он только вчера с радостным писком клевал зеленую травку! Жалея бедного гусенка, он с плачем побежал домой.

У Салавата есть друг по имени Гали. Мальчишки постарше кличут его Бэлиш¹, а отец величает Гали-батыр. Когда они подружились, Гали еще не ходил. Салават его научил ходить. Вот они вдвоем играют во дворе.

— А я петь научился! — делится радостью Салават. — Вот послушай: ля-ля-ля, ля-ля-ля... Давай и тебя научу, повторяй за мной: ля-ля-ля...

— Ля-ля-ля, — повторяет Гали, но у него получается плохо, будто во рту каша варится.

— Ладно, не пой, раз не умеешь, — останавливает его Салават.

Другу это не нравится.

— Зато я мателиться умею!

— Ну-ка, как?

— Вот так: мать твою! — Гали с торжествующим видом скалит зубы. — От папы слышал. Он вчела пьяный плисол.

Салават задумался: выходит, папы — это такие дяденьки, которые ходят пьяные и матерятся? Он еще не видел своего отца. Но хорошо помнит, как бабушка похлопала его по спине и сказала: «Из-за распутного папаши еще до рождения остался ты безотцовщиной, дитя мое».

Вскоре Салават впервые увидел отца. Мать обливала его водой на каменном крыльце перед чуланом. Ему было зябко, поэтому это занятие ему явно не нравилось. Салават до сих пор помнит легкую прохладу того летнего вечера, свежесть воздуха и какой-то негромкий гул вокруг.

Наконец мать подхватила его и занесла домой. Салават вырвался из ее рук, спрятался под топчан и начал дразниться: «Кунакяс! Кунакяс!» Это было мамино прозвище. Позже он узнал, что из-за полноты в детстве бабушка ласково называла ее «коренастенькая, как бочонок, — кунакяс». Кое-кто это услышал, так и прилепилось прозвище к матери.

И тут в дом кто-то вошел. Мать обернулась посмотреть, кто там, а потом позвала Салавата:

— Выходи, тебя пришел повидать отец.

Салават, припомнив слова друга Гали, испытующе поглядел из-под топчана на вошедшего. Он понравился ему: не пьяный, не матерится... Заметив прикрепленную к отцовскому пиджаку блестящую штуку, уставился на нее. Отец взял его на руки, приласкал, а Салават все не отводил глаз от блестящей вещицы.

Позднее мать объяснила, что приглянувшаяся ему блестяшка — это значок «Дружба». Когда отец ушел, она спросила:

— Ты хочешь, чтобы папа приходил снова?

— Пусть приходит. — Салават представил себе кра-

сивый значок и подумал про себя: «Так вот они оказываются какие, папы...»

Солнечный летний день. Ласково веет теплый ветер. Они идут вдвоем по проселочной дороге. Недавно мама вышла замуж, и отчим Шагидулла забирает их в свой аул. Салавату четыре с половиной года, он еще не ходит пешком так далеко, ему тяжело.

— Путь недалекий, всего восемь верст, — успокаивает отчим. Чтобы подбодрить Салавата, показывает рукой на высокую гору: — Смотри, это Шахтау.

Салават изумленно смотрит на Шахтау. Он еще никогда не видел такой высоченной горы. Вот это да! А на горе ездят маленькие игрушечные машинки.

— Там ездят игрушечные машинки! — обрадовался Салават.

— Это настоящие машины — БелАЗы, они возят камни Шахтау в город, — объясняет Шагидулла-атай.

— Настоящие машины бывают большие, — недоверчиво возразил Салават.

— Эти машины тоже огромные, каждый по шесть-десять тонн. Просто они очень высоко, вот и кажутся игрушечными.

Салават был в восторге, хотя разумом пока не мог воспринять слова Шагидуллы-атая.

— Ладно, надо торопиться домой. — Отчим посадил его на плечи и зашагал вперед.

Салавату эта дорога показалась бесконечно долгой. Наконец они добрались. Перед тем как войти в дом, мама научила его:

— Улым, тут нас встретит одна бабушка. Как только зайдём, ты подойди к ней и поздоровайся, скажи: «Здравствуй, олясэй²!», хорошо?

— У меня же есть олясэй, она осталась в нашем ауле, — возразил Салават.

— Ну да. Но тебе же не трудно сказать «здравствуй, олясэй», пусть здесь будет еще одна бабушка.

Салават кивнул в знак согласия. Зайдя в дом, он топтал прямиком к встречавшей их пожилой женщине и сказал:

— Здравствуй, олясэй!

Пожилая женщина с некоторым удивлением посмотрела на него:

— Я же тебе не олясэй...

Не очень приветливо встретила их бабушка Уммикамал, но вскоре приняла Салавата: потчевала вкусеньким, парила и мыла в бане, водила в гости в соседний аул к дочери. У нее были родные внуки и внучки, но Салавата она любила больше.

Отчим тоже относился к нему как к родному: всюду водил с собой, мастерил ему свистульки и дере-

¹ Пирожок, пирог (башк.).

² Бабушка (башк.).

янные игрушки. Приляжет днем после трудов отдохнуть — Салават тут как тут. Однако мать предупредила: начнет Шагидулла-атай биться в конвульсиях — сразу отойди от него, чтобы он в припадке нечаянно не задушил тебя. Он при приступах эпилепсии не помнил себя, дергался и корчился, пускал изо рта белую пену. Припадки могли случиться с ним в любое время и в любом месте.

Как-то это произошло с отчимом во время купания. Он задергал руками-ногами и начал тонуть. Девтора с визгом ринулась на берег. А выбравшись, принялись смеяться, показывая пальцем на барахтающегося на мелководье Шагидуллу-атая. А пятилетний Салават, не зная как помочь отчиму, с плачем метался на берегу. Наконец парнишка постарше отделился от толпы зевак, неспешно вошел в воду и вытащил Шагидуллу-атая. Чуть отлежавшегося отчима вырвало водой, затем он пришел в себя.

Ослепительно ясный день. Отчим с Салаватом, взявшись за руки, идут на конный двор. Им нужна лошадь, чтобы съездить за сеном. У Салавата приподнятое настроение, ведь он обожает лошадей. Мечтает, что когда-нибудь и у них появится собственный конь.

— Шагидулла-атай, а когда мы возьмем лошадь?

— За ней и идем...

— Нет, когда у нас будет своя коняшка?

— Государство не разрешает держать лошадей.

— А почему?

— Кто его знает...

Салавату пришла в голову отличная мысль, и он обрадованно выпалил:

— Тогда купим маленького жеребенка!

— Жеребенка тоже нельзя...

Салават задумался, представил себе государство в виде злобного старика, грозящего всем пальцем. Затем спросил:

— А мы сейчас возьмем рыжую лошадь или вороную?

— Какую дадут, ту и возьмем.

Но конюхи отказали Шагидулле-атаю. Отчиму это не понравилось, не таков он был, чтобы отступаться от задуманного. Подумав немного, сказал:

— Значит, нет для меня рабочей лошади? Тогда запрягу вороного жеребца бригадира! — Отчим решительно зашагал в конюшню.

Конюхи испуганно всплеснули руками, побежали к нему, окружили:

— Не вздумай тронуть вороного, бригадир из нас душу вытрясет!

— Бригадир не бай какой-нибудь, не ему одному на вороном гарцевать!

Конюхи схватили его за руки, но Шагидулла-атай рассердился и вмиг расшвырял их. Больно вспыхив он нравом: чуть что не по нему — сразу сжимал кулаки.

Тут появился бригадир колхоза Амир-агай. Он — огромный человек с багровым лицом и тяжелым взглядом, сильно смахивающий на быка.

— Ты зачем их бьешь?! — Амир-агай потянулся, чтобы схватить Шагидуллу-атая за ворот, но получил такой удар, от которого грохнулся оземь.

— Сейчас же прекрати драться, я милицию вызову! — закричал невесть откуда взявшийся председатель сельсовета Миннигали-агай.

В ответ отчим ударил его наотмашь. Представитель местной власти смешно кувыркнулся. Тут все разом — человек десять — с руганью и грубыми окриками набросились на него. Но один за другим, будто резиновые мячи, отлетали от разящих кулаков Шагидуллы-атая. Нападающих становилось все больше, шума громче, тем не менее никак не могли управиться с ним. Войдя в раж, отчим лупил противников без всякой пощады. Салавата тоже охватил дикий азарт: размахивая маленькими кулачками, он смешно носился среди дерущихся со свирепым лицом, выкрикивая что-то, но его никто не слышал.

Пронзительно просигналив, подъехала машина УАЗ, и из нее выскочили четыре милиционера. Они подбежали к Шагидулле-атаю, один из них сказал ему:

— Рамазанов, ты почему нарушаешь порядок? Вон рука уже в крови. Ну-ка, покажи...

— Вот. — Отчим доверчиво протянул руки, и милиционер заученным движением мгновенно надел на него наручники.

— Ах, вот ты как! — Шагидулла-атай прямо в наручниках начал драться с милиционерами.

Бригадир, сельсоветчик и конюхи бросились им на выручку. Однако даже всей толпой не смогли запихнуть Шагидуллу-атая в уазик.

Салават в слезах метался рядом, но ничем не мог помочь отчиму.

— Принесите аркан! — заорал бригадир.

Один из конюхов подбежал с арканом. Шагидулла-атая повязали, только все равно не смогли затолкать в машину. Не имея возможности пошевелить руками-ногами, он бодался головой и кусался.

Принесли еще один аркан, полностью его запеленали и всей толпой забросили в кузов грузовика. В кабину сел председатель сельсовета, и машина тронулась. За ними поехал УАЗ с милиционерами.

А зареванный Салават побежал за поднявшимися серую пыль машинами.

Мать рассказывала позже, что Шагидулла-атая тогда посадили в городскую тюрьму. На семнадцатый день отсидки, когда он избивал надзирателей, с ним случился приступ. Выявив эпилепсию, врачи отправили его в уфимскую психбольницу.

Отчим вернулся домой через два месяца. Хоть и среднего роста, он был плотного телосложения, а теперь еще больше пополнил.

— Казенная еда тебе на пользу пошла, — заметила мать.

Отчим с улыбкой ответил:

— Деяносто шесть кило набрал на дармовых пайках.

После этих воспоминаний почему-то перед глазами Салавата на миг возникла бутылка водки, и мысли потекли в другом направлении: «Почему я так шалею от выпивки? Еще в старших классах, лишь начиная пробовать спиртное на дружеских сборищах, я после этого всегда буйствовал напропалую. Хмель будил дремлющую глубоко в подсознании агрессию, толкал на бессмысленные драки. А на другой день так было погано на душе от того, что кого-то несправедливо обидел! Значит, нельзя мне пить. Надо было уже тогда сделать этот вывод...»

А как я сумасбродил на проводах в армию Наила по кличке Комиссар? Ударил в лицо спокойно игравшего на гармошке Ильдара так, что инструмент выпал у него из рук. Саданул в челюсть заступившемуся за него Камилю. Еще кто-то попытался было образумить меня, но получил удар ногой со свирепым криком «Кийай!». Увидев, что я будто с цепи сорвался, парни постарше собрались в кучку и горячо о чем-то заговорили. Разумеется, они были правы: я поднял руку на тех, кто старше, теперь они собираются наказать меня. Я нащупал в кармане складной нож-«лисичку». Тут подошел друг мой Рафис и предупредил, что старшие парни намерены разобраться со мной. А я, глупец, ни с того ни с сего ударил лучшего друга. Известный на весь аул драчун Рафис тут же дал мне отпор — грохнул об забор. Я обнял его: наконец-то нашелся тот, кто оказал мне достойное сопротивление. Рафис слабее меня физически, хоть и старше на год. Но мне и в голову не приходило затеять с ним потасовку. Просто сам не заметил, как ударил сгоряча. Ведь мы дружим с пятилетнего возраста. Правда, бились мы с ним многократно в боксерских перчатках. Но это же не в счет. Рафис не так силен, но поразительно ловок, бесстрашен и крепок духом. Он никого не боялся, в драках всегда побеждал. Был яростен и стремителен, как рысь.

Прошедшие армию старшие парни посмотрели на нас исподлобья, но не стали связываться. По правде говоря, зная о воинственном нраве Рафиса и его родных братьев, а меня считая опасным городским жуликом, они нас побаивались.

А что я вытворял, когда на рассвете поехали провожать Наила в город! Семнадцатилетний салага, я ходил по вокзальной площади, полной народа, размахивая «лисичкой». А ведь там, в сторонке, стояли в ряд десятки милицейских машин. Как так получилось, что блюстители порядка не заметили меня? Кабы увидели — несдобровать бы мне тогда...

В тот раз я особо распоясался от беспрестанной боли в душе: недавно потерял свою первую любовь, в которой просто души не чаял. Бросила меня Земфира, и смысл моей жизни улетучился, как утренний туман. Потому я решил для себя: погасло мое солнце, не видеть мне счастья без нее. Значит, никуда не стоит стремиться, остается плыть по течению, пить, курить и лезть на рожон...

В бестолковой юности много было выходов, не вмещающихся в рамки закона. Хорошо еще, что не угодил за решетку. Ведь некоторые из друзей загремели в тюрьму. Несколько сверстников, попав туда, не смогли выйти на свободу, там и сгинули. А меня же некая сила оберегала всегда. Аллах берег. Это я понял лишь многие годы спустя.

О Всемиловитый, спасибо Тебе за все...

Прочитал где-то, что Вселенная — безграничное информационно-энергетическое пространство. Может быть, в нем прошлое, настоящее и будущее находятся одновременно? Жаль, многого не знаю. Вернее, совершенно не смыслю в этих тонких и сложных материях. Как мне кажется, кое-что понимаю интуитивно. Для получения настоящих познаний необходимы чистота сердца и развитие духа.

Насколько же я запятнал душу за последние годы! Проводя драгоценное время в объятиях чужих женщин, общаясь с дельцами, чиновниками, милиционерами и рэкетирами, скандала и ругаясь, поистрепался и огрубел. Увы, в нашем обществе пока не получается добыть для семьи теплого места под солнцем, не показав клыки и когти. Живя среди волков, приходится выть по-волчьи. Как бы мне хотелось скорее очиститься от этой наносной грязи и прийти к покаянию.

Что же со мной происходит? Набираюсь жизненного опыта, необходимого, как воздух, творческому человеку, или иду по ложному пути? Пишут, что Всевышний предоставил человеку право выбора: делай, что хочешь, но за все будешь отвечать. Об этом можно было бы написать картину «Распутник». Быть может, я создам произведение, которое станет

предупреждением людям в нашу эпоху вседозволенности.

Как же чиста была моя душа, как светлы были чувства, как высоки были помыслы, когда я жил в ауле после университета! Охваченный эйфорией чудесной стихии творчества, испытывая высочайшее наслаждение, я вдохновенно писал картины. Испытаю ли я вновь такие же сильные и тонкие переживания, такой же расцвет духа и счастье творчества, как тогда? И что бы со мной случилось тогда в госпитале, если б не начал писать афганские этюды?

Всемиловитый, прошу, не лишай меня счастья творить!

Помоги воплотить в жизнь мою мечту — построить в родном ауле мечеть. Если я сумею достичь этой цели, то в память бабушки Гульфарины дам мечети ее имя. Хорошим человеком она была, пусть земля ей будет пухом, а душа пребудет в раю...

Хочу помогать детям-сиротам. Не ожидая взамен ни благодарности, ни похвалы, буду делать как можно больше добра. А самое главное — я должен начать писать. О Всевышний, помоги мне возвратиться к творчеству!»

Внезапно Салавата, медленно покачивающегося в такт музыке, снова начала трясти неведомая сила. Промучившись около двадцати минут, он увидел возникших перед собой давних предков, скачущих на горячих конях с саблями наголо на царских солдат. Мчавшийся впереди войска на белом коне отважный всадник показался ему знакомым и близким человеком. Вскоре воины пропали из виду. Затем перед его взором предсталась другая картина: младенец в колыбели, качающейся на разлапистой ветке дерева.

* * *

Сегодня у Лилит много посетителей. Ей пришлось разделить людей на три группы и проводить сеансы по очереди. Когда все ушли, она поставила под каналы Салавата.

Он постоял немного с закрытыми глазами, покачиваясь под музыку, затем его заставили долго вращать правой рукой справа налево. Потом вытянутую вперед правую руку начали каким-то образом обрабатывать. Салават воспринял это как очищение.

Некоторое время спустя перед его мысленным взором предстало перо. Когда оно исчезло, Салават стал произвольно двигаться: руки медленно поднимались вверх и опускались. Вот он с поднятыми руками сильно откинулся назад и стал «смотреть» закрытыми глазами вверх. Чуть погода невольно наклонился.

Долго постояв с опущенной головой, он снова выпрямился, и перед ним, озаряя все вокруг, дважды промелькнула огромная золотая птица. Увидев ее третий раз, Салават понял — это птица счастья Хумай¹, и душу объяло чувство радости. Он вспомнил прочитанное: увидеть хотя бы тень птицы Хумай — огромное счастье. Такая удача выпадает лишь редким счастливым. Потом его заставили трижды произнести «аминь» и выполнить упражнения из йоги. Затем понудили медленно встать на колени и припасть лбом к полу. Салават обратился с мольбой к Богу: «О Всемиловитый, прошу, прости мне мои прегрешения, совершенные с умыслом и без умысла! Безгранично благодарю Тебя за милосердие ко мне. Даруй счастье моей семье и детям. Сделай так, чтобы открывшиеся в Лилит способности были к добру. Избавь мой народ от пьянства и других мерзостей, освети их души лучами веры и выведи на праведный путь! Помоги мне не сбиться с найденного прямого пути, даруй твердость духа, силу и разум, дозвожь очиститься с помощью этих каналов от грехов, утвердиться в вере, делать людям больше добра и прожить на белом свете с честью и достоинством!

Дай возможность служить Тебе своим творчеством, дозвожь внести вклад в возвращение людей к добру и вере. Прошу, помоги мне развить дух и стать ближе к Тебе!»

После окончания сеанса они долго говорили с Лилит. Несмотря на усталость, жена тоже испытывала волнение.

— Сегодня было много информации свыше. Самое важное, что, поставив на колени, тебя заставили покаяться. Показали и толпу голых женщин, твоих бывших любовниц. Каждая из них пробежала по тебе, топчась ногами. А ты руками разверз грязь и вырвался к свету. Сказали, что будем вместе и на том свете... Еще вот что показали: стоишь ты с лавровым венком на голове возле множества картин и рядов книг, держа в руках перо. Ты — духовный лидер своего народа. Сверху посыпались золотые монеты, символизирующие, что к нам придет богатство. Однако надо его выдержать достойно. — Лилит задумалась.

Лицо Салавата посветлело:

— Да, сегодняшней сеанс был удивительным, чудесным, полным глубокого смысла. Лишь бы указанные мне знаки исполнились, пусть они будут к добру. А может, это и есть посвящение?

— Нет, тебе еще следует хорошенько очиститься.

Салават поделился радостью:

— Я видел птицу Хумай!

Лилит тоже обрадовалась:

¹ Хумай — птица, дарующая счастье; образ, пришедший к тюркам из иранской мифологии.

— Дай-то Бог, ведь птицу счастья могут увидеть лишь избранные Всевышним люди.

— Если то, что нам показали, правда, то мы счастливые, — произнес Салават, все еще не смея поверить в близкую возможность счастья.

— Ну конечно правда! — убежденно подхватила Лилит. Она всегда была уверена в себе и никогда не сомневалась в своей правоте. — Да, чуть не забыла! Когда я мысленно сказала: «Спасибо, что пытаетесь сделать из моего мужа человека», мне телепатически ответили: «Наоборот, мы избавляем его от человеческого...»

Слова Лилит потрясли Салавата. Это был серьезный выпад против всего человечества. Справедлив ли он? Как ни крути, есть в нем доля правды: прогресс идет семимильными шагами, а мы не становимся лучше. Уже близится конец мира, а люди все беспощаднее друг к другу...

Салават снова обратился с мольбой к Богу: «О Всевышний, я тоже представитель рода человеческого и по уши погряз в грехах. Кроме грехов, совершал и преступления: еще подростком несколько раз взламывал с приятелями торговые киоски. Очень нужны были деньги на кино и мороженое. Особенно на фильмы "Бродяга" и "Генералы песчаных карьеров", которые мы пересматривали десятки раз. А в юности пили и хулиганили с друзьями. Самоутверждались. Став предпринимателем, я проводил сдел-

ки через фальшивые фирмы. Убегая от неподъемных налогов, хотел избежать банкротства. А на деле, получается, воровал. Да, в эпоху дикого бизнеса девяностых годов так поступало большинство предпринимателей. Стремясь расчистить для семьи теплое место под солнцем, не кормил ли я детей своих харамом, несправедливо добытой пищей? Не даст ли потом этот харам ядовитые плоды? Как же быть? Пальцами шевельнешь — грех, за что ни возьмись — преступление...

К стыду своему, кроме законов людских, нарушал я и Твои повеления. Возможно, из ниспосланных через пророка Моисея десяти заповедей не нарушил лишь одну — "Не убий!"...

А Афганистан?.. Командиры втолковывали нам, что уничтожение врагов на войне не считается убийством, здесь — либо ты, либо тебя... Мы называли их "душманы", "духи" или "моджахеды". А были ли они врагами на самом деле?»

В памяти всплыло одно из афганских событий. Во время короткого привала дозорные приволокли в лагерь захваченного в плен душмана. Командир группы, рыжеволосый старшина Копытов, встретил их в бешенстве:

— Зачем нам понадобился этот дух?! — вскинулся он на солдат, брызжа слюной.

Салават растерянно ответил:

— Как вернемся, отправим в штаб, может, сообщит полезные сведения.

— Надо еще выжить... И как вы собираетесь таскать его с собой? А если он заорет и выдаст нас?

— Мы ему заткнули рот бинтами, — начал было оправдываться второй солдат, но старшина прошипел, выкатив глаза:

— Тьфу, тупые! Так и думал: пожалели чурку, не замочили... Ладно, хватит лясы точить! Кто взял этого душмана в плен?

— Салават! — простодушно выпалил тот солдат.

— Байгазин! Долбани его прикладом по башке, да столкни со скалы в пропасть. Не вздумай стрелять, душманы услышат...

Салават замешкался. Наконец сразу охрипшим голосом проговорил:

— Он же... пленный!

Старшина сверкнул глазами:

— Ну и что?! Нам теперь из-за него головами своими рисковать?! Байгазин, выполняй приказ!

Опешившие солдаты уставились на них.

— Он же пленный! — повторил Салават. У него внешне пересохло в горле.

— Выполняй приказ! — Командир направил на него дуло автомата.

После тягостного молчания Салават твердо ответил:

— Не имеем права убивать пленного!

— Байгазин, не выполнишь команду — загремишь под трибунал! — Старшина Копытов от ярости закашлялся. Наконец смачно сплюнул и, прицелившись в Салавата, грозно предупредил: — Байгазин! Не повинуешься приказу, расстреляю тебя безо всякого трибунала! — Копытов хорошо понимал: не заставит подчиниться — уронит авторитет перед солдатами. Потому так и вскипел.

Салават тоже вышел из себя: обеими руками разорвав на груди тельняшку, уставился на Копытова налившимися кровью глазами и грозно зарычал:

— Думаешь, напугал?! На, стреляй!

Копытов, не отводя от него горящего лютой злобой взгляда, процедил:

— Не расстреляю, но под трибунал обязательно пойдешь! — Резко повернувшись, он с силой ударил пленного прикладом по голове и скомандовал: — Швырните в пропасть!

Солдаты поспешили сбросить дергающегося в предсмертных конвульсиях пленного со скалы. В этот момент послышались звуки выстрелов: их начал атаковать довольно большой отряд душманов.

— Дождались-таки... — Старшина грязно выругался и стал отдавать приказ за приказом: — Занять позицию! Приготовиться к бою! Огонь!

Мощный огонь вынудил душманов затаиться за камнями. Воспользовавшись краткой передышкой, Салават крикнул Копытову:

— Старшина! Уводи группу, я прикрою!

Копытов посмотрел на него с ненавистью и криво ухмыльнулся:

— Слушайте мою команду: открываем по врагу дружный огонь и уходим! Байгазин, остаешься в прикрытии!

После кратковременного обстрела душманов все, кроме Копытова, кто дружеским кивком, кто помахав рукой, попрощались с Салаватом, и группа покинула позицию. Почувяв, что огонь противника ослаб, душманы зашевелились, громкими окриками подбадривая друг друга, поднялись и пошли в атаку. Салават длинными очередями опустошил рожок, положил автомат рядом и начал метать гранаты. После взрывов, быстро схватив автомат, вставил новый рожок. Вдруг все перед ним вспыхнуло ярко-красным пламенем, мощная и горячая воздушная волна смахнула его с земли как пушинку и отбросила на голые камни.

В сознании Салавата снова заматались мысли: «Считается ли мое участие в афганском кровопролитии убийством? Нарушал ли я божественную заповедь “Не убий!” или нет?..

А ведь в детстве я был чист и безгрешен. Всевышний, молю, прости мне грехи мои тяжкие!»

Из закрытых глаз Салавата текли слезы.

* * *

На четвертый день подготовки к посвящению вновь пришлось весь день носиться с привычными для предпринимателя хлопотами.

Вернувшись домой лишь после девяти вечера, Салават быстро умылся и встал под канал. Сегодня над ним снова долго работали, заставив держать правую руку наполовину приподнятой. Рука порядком устала, но он терпел, понимая, что таким образом его очищают.

Вот он начал непроизвольно делать различные движения. Сегодняшние упражнения немного отличались от вчерашних. Обе руки сами собой завертелись с быстротой пропеллера. Время от времени в зажмуренные глаза бил свет, как от электросварки. В какой-то миг промелькнула бабушка Гульфарица. Потом снова пронеслись перед глазами события, связанные с Афганистаном.

...Салават очнулся в вертолете. Присмотревшись, увидел: руки и ноги как кровавое месиво — сломанная кость правого бедра прорвала не только плоть и кожу, но и хэбэшные штаны и вылезла наружу, левая нога была вывихнута у колена и неестественно вывернута, кисть левой руки повисла, как плеть. Но жуткая боль исходила не из разодранных конечностей, а с правой стороны спины.

— Воды-ы... — простонал Салават, облизнув пересохшие губы.

Ему дали глотнуть воды из фляжки и вкололи «наркотик войны» — промедол. Салават снова потерял сознание.

Когда очнулся, услышал противный гул. Наверное, от этого гудения и пришел в себя. С удивлением увидел, что его ногу сверлят обыкновенной электродрелью, даже дым идет. Заметив синеватый дымок, врач сбавил обороты машинки. А Салават попытался сморщить разодранный нос, почувствовав жженный запах, исходивший от задымившейся под воздействием сверла кости ноги. Оказалось, его успели привезти в отделение реанимации госпиталя. Продырявив ноги, проделали сквозь них стальную проволоку и положили на вытяжку, чтобы поставить на место бедро с открытым переломом. Чтобы соединить расколотый таз (разрыв симфиза), нижнюю часть тела поместили в гамак. Сухожилия ног и нерв малой берцовой кости были разорваны. Из-за сильной боли в правой стороне спины он думал, что порвалась какая-то мышца, оказалось, поврежден позвоночный столб.

А еще были разодраны ноздри (к тому времени врачи успели их пришить), огненные осколки исполосывали ему лоб и обе щеки.

Салават провел первую ночь в полусне-полуяви в реанимации, изнывая от боли. Чуть забудется — и перед глазами встает человек с изуродованным до жути лицом, с закованными в кандалы руками и ногами. Он вроде бы далеко, и в то же время до него рукой подать. Ночью ему несколько раз кололи сильный наркотик, однако унять боли не смогли.

Врачи не сильно верили в выздоровление Салавата, но борьбу за его жизнь не прекращали: ему по шесть раз на дно ставили капельницы, кололи различные лекарства.

Пытаясь поставить на место бедренную кость, на его правую ногу навесили гирь на четырнадцать килограммов: ему показалось, что подошвы ног отрываются и горят огнем. Однако сломанную ногу вправить не удалось. Зато деформировали правую сторону расколовшегося пополам таза. В общем, наделали дел...

Раз уж не помер Салават, как прогнозировали здешние эскулапы, они решили от него избавиться. Подсутились и отправили в ташкентский госпиталь.

— Что наделали, ветеринары?! — вышел из себя заведующий травматологией майор военно-медицинской службы Муфазал Галиевич Мухаметкулов, взглянув на рентгеновские снимки Салавата. — Правую часть тазовой конструкции вытянули вниз на пять сантиметров! — Он вытер выступивший на лбу пот.

Посоветовавшись, военврачи пробуравили Салавату и левую ногу, на нее повесили гири, чтобы как-то выровнять смещенную конструкцию таза.

Через неделю лечащий военврач капитан Николай Михайлович Васильев, внимательно посмотрев новый рентгеновский снимок, обеспокоенно обратился к заведующему:

— Бедро никак не встает на место.

— Что предлагаешь?

— А если попробуем под общим наркозом потянуть и поставить бедренную кость вручную?

Заведующий отделением пожал плечами:

— Решай сам.

Первую операцию Салават перенес очень тяжело. Долго не приходил в сознание после общего наркоза, бредил. Ему снилось, будто он лежит в какой-то белой пещере. Рядом с ним возятся белолицые инопланетяне в белоснежных халатах. Вот один из них, держа пальцами обеих рук какую-то белую нить, начал протягивать ее сквозь голову Салавата. А сам без конца повторяет непонятное, режущее слух, отвратительное слово: батарабаракара, батарабаракара, батарабаракара... Ка-

жется, оно звучало так. Вдруг Салават очутился, будто в трубе, внутри этой нити. В ней так душно и тесно! Но как бы ни было тяжело, он должен добраться до самого конца этого длиннющего и узкого тоннеля и выбраться из него. Собрав последние силы, он полз вперед. Мучился долго, но в конце концов выбрался наружу, освободился... На краткий миг Салават пришел в сознание. Губы и горло пересохли, язык прилип к небу. Так хотелось пить... Но нет сил отодрать язык от неба и попросить воды. Слава Всевышнему, к губам приложили намоченный кусок бинта. Эта влажная марля была для него как глоток воды зам-зам¹, протянутой изнемогавшему от жажды путнику в пустыне. Он вновь впал в забытие...

Когда Салават наконец очнулся, то не мог пошевелиться и открыть глаза. С огромным трудом повернул голову вправо — она, тяжелая, словно чугунная, загнула. С усилием разлепил веки и обомлел: потолок, стены, занавески, кровати, одеяла и подушки — все вокруг было ослепительно белым. Взглянул на свои руки — они тоже были белоснежными, словно сахар-рафинад.

Вскоре предметы приняли обычный вид. Но Салават сделал важное для себя открытие: оказывается, цвет смерти — белый. Он посмотрел на оперированную ногу — она опухла и стала как кадка. Вопросительно уставился на пришедшую сделать укол медсестру. Она кивнула:

— Да, Байгазин, плохи дела: неудачная получилась операция — не смогли вставить твою бедренную кость на место.

Вдруг Салават вскрикнул от острой боли, внезапно пронзившей все тело. Нечто, натянутое как тетива, будто оборвалось вдруг около паха и «выстрелило» до самого кончика ноги — будто ударило мощным разрядом электричества. Через несколько минут «выстрел» повторился. Вызвали врача. Николай Михайлович лишь пожал плечами:

— Похоже, мы потянули твою ногу сильнее чем нужно, задели нерв... — Врач не успел договорить, нерв снова «выстрелил», заставив Салавата оцепенеть от боли.

— И что, теперь этот нерв всю жизнь меня будет мучить?

— Успокойся, пройдет потихоньку...

Военврач велел вколоть Салавату морфий и вышел из палаты. Однако наркотик не помог, задетый нерв продолжал «постреливать» время от времени. И невозможно было предугадать, когда он шарахнет снова, причиняя нестерпимую боль. Салават нашел способ из-

¹Зам-зам — вода из источника Зам-зам в Мекке, обладающая чудодейственными свойствами.

бавления от боли: разорвав полотенце на полосы, сплет веревку, обхватил ею ногу на уровне паха и взял концы в руку. Лишь только чувствовал, что нерв начинает «стрелять», мгновенно сжимал веревкой ногу и не давал «выстрелить».

Прележав вот так, обуздывая нерв, двое суток, он наконец забылся беспокойным сном. И тут же привиделся человек с изувеченным лицом, закованный в кандалы. На этот раз он стоял на скалистом берегу бушующего моря и что-то кричал ему. Но Салават не мог слышать слов из-за шума волн. Вскоре он пропал из виду, и вновь показался младенец в люльке, висящей на ветке дерева...

Сознание Салавата возвратилось в канал. Его снова заставили встать на колени и коснуться лбом пола. Он повторив вчерашние мольбы о прощении грехов, попросил и за маму. Затем, трижды произнеся «аминь», открыл глаза и сел на диван.

— Нынче опять кое-что сообщили, — начала Лит. — Передали, что будут чистить, пока не придешь к полному покаянию. Предупреждают, что темные силы вновь попытаются сбить тебя с пути с помощью выпивки и распущенных женщин. Они всегда стараются препятствовать духовному росту людей, толкая их на грехи.

Когда я спросила: «Что будет, если он после покаяния опять погрязнет в грехах?», предупредили: «В таком случае потеряет все, что ему дорого, — тебя, детей и свой талант». Я ужаснулась столь жестокому наказанию, но мне ответили: «Избранным людям достается и кара суровая».

Во время сеанса перед тобой стоял белобородый старец в белых одеждах. Это знак, что тебя готовят к посвящению.

* * *

У российского коммерсанта почти нет выходных и праздников. Магазины нужно держать под ежедневным контролем. Стоит чуть ослабить вожжи — продавцы тут же норовят отбиться от рук.

Когда Салават беспробудно пил после семейных разборок из-за связи с Зульфией, дела его понесли значительный урон. После той сумятицы он с трудом восстановил бизнес.

Вот и сегодня, несмотря на воскресный день, он объехал магазины и, немного отдохнув, встал под канал.

Несколько минут слушал музыку. Затем стал произвольно двигаться. Чуть погода плавно перешел к дыхательным упражнениям. Его заставляли дышать по-разному: делать по пять-шесть коротких и резких вдохов, а на седьмой раз — глубокий длинный вдох. Са-

лават прежде где-то читал, что йоги и тибетские монахи тоже практикуют дыхательные упражнения.

Вот его мягко понудили выполнить упражнения на растяжку рук и ног, затем, начиная с плеч и груди, звонко похлопывать по всему телу ладонями. Потом заставили растирать руками все тело от макушки до пяток.

Немного погодя его заставили наклониться, и он стал имитировать, будто зачерпывает ладонью воду из родника и омывает ею лицо, голову, шею.

Выпрямившись, Салават заметил пылающий цветок, который потихоньку превратился в огонь. «Не огненный ли это цветок зороастризма?» Очень размыто показали Иисуса Христа, промелькнул образ Марии-аманы — Девы Марии.

Желая вновь увидеть птицу Хумай, Салават пытался ее представить. Но тщетно. Отчего-то заставили долго тереть руками шею в области горла. Салават истолковал это так: когда он путался с Зульфией, пристрастился к спиртному, — вот от этого его и лечат...

Заставив похлопать себя правой рукой по груди, дали намек на его некоторое тщеславие.

Похоже, сегодня был сеанс замечаний — несколько раз заставив его поводить ладонью по животу, покрывали за излишний аппетит.

Салавата, конечно, не назовешь обжорой, да и полнотой он не страдает. Но, пожалуй, они знают лучше, на что указать. Что ни говори, нафс, жадность человеческая, тоже низменная страсть.

По поводу пищи он согласен с бабушкой Гульфаризой: каждый человек съест за свою жизнь столько, сколько предначертано. У каждого — свой ризык. Иссякнет предназначенная пища — человек уходит в иной мир.

Снова вспомнился госпиталь.

«Выстрелы» нерва наконец прекратились. Во время очередного обхода заведующий отделением задал Николаю Михайловичу вопрос:

— Как там Байгазин?

— Кисть руки восстанавливается, левое бедро потихоньку вытягиваем. Но до сих пор не можем вставить на место правую бедренную кость в области осколочного перелома, а время идет...

— Что предлагаешь?

— Надо сделать еще одну операцию — забить штырь в центр бедренной кости со стороны таза.

Подумав немного, заведующий согласился с лечащим врачом Салавата:

— Готовьте к операции.

Военврач дал отмашку медсестре:

— Возьмите общие анализы.

Через пару дней Николай Михайлович заявил Салавату:

— Штырь вбивать не будем, анализы плоховаты. — Внимательно посмотрев рентгеновские снимки, как бы утешая, добавил: — Ладно, не волнуйся, установим аппарат Илизарова и вставим кость на место.

Наверное, к лучшему, что не стали вбивать штырь. Уж очень сложна эта операция.

Установка аппарата Илизарова тоже оказалась делом нелегким. Салавата прикатали в операционный блок и уложили на стол, куда помещались лишь спина и голова. Под сломанный таз подвели конструкцию размером с велосипедное сиденье и привинтили ее. Широко раздвинув ноги, прикрепили стопы ремнями к специальным приспособлениям. Развели по сторонам руки и привязали. Ноги остались висеть в воздухе.

Вводя через капельницу наркоз в вену, врач-анестезиолог с целью оценки его самочувствия перекинулся с ним парой фраз:

— Как себя чувствуешь, Байгазин?

— Нормально.

— Ноги не болят?

— Нет, — ответил Салават и потерял сознание.

Когда очнулся, лампы на потолке показались тусклыми пятнами. Помаленьку они становились все отчетливее и стали в итоге ослепительно яркими. У Салавата дико устала спина, еще сильнее ныли кости таза. Не было мочи терпеть.

Попробовав подвигать руками и ногами, он вспомнил, что конечности связаны. Чуть приподняв голову, увидел: военврач Николай Михайлович с коллегой насквозь просверлили ногу электродрелью, пропустили через дырку спицу и стали крепить к корпусу аппарата Илизарова. Хирурги завинчивали гайки, будто заправские сантехники. С обоих пот тек ручьями. Салават поглядывал на ногу, проткнутую спицами и напоминающую ежа, из груди его вырвался стон. Бросив на него быстрый взгляд, Николай Михайлович сказал напарнику:

— Чуток не успели, проснулся.

— Видать, анестезиолог пожалел наркоза, — ответил ему коллега.

Николай Михайлович обратился к Салавату:

— Как ты, Байгазин?

— Спина и таз устали сильно...

— Потерпи немного, скоро закончим работу. —

Николай Михайлович продолжил еще резвее закручивать гайки.

Пролежав минут двадцать со стиснутыми зубами, Салават не вытерпел:

— Когда же закончите?

— Немного осталось. Терпи, солдат — генералом будешь. — Военврач повернулся к медсестре: — Вколоть промедол!

Укол немного облегчил боль.

Наконец Салавата отвезли в палату. Но какая-то деталь аппарата Илизарова больно уперлась в бедро, а область колена будто горела.

Николай Михайлович во время утреннего обхода почувствовал неладное и поинтересовался:

— Как самочувствие, Байгазин?

— Железьяка давит ногу. А колено будто все горит.

Врач достал ключ и, заворачивая гайки, подправил аппарат. Затем специальной иглой начал касаться его правой ноги.

— Чувствуешь?

— Нет...

После установки аппарата Илизарова, хоть режь по живому, нога ничего не чувствует. Салават еще не понимает, чем это ему грозит, а капитан военно-медицинской службы пока старается не подавать виду.

Военврач вынул из ноги одну спицу аппарата. Но было поздно: нервы малоберцовой кости оказались крепко сжатыми между спицами и успели повредиться. Если нога потеряла чувствительность, то она не действует, а значит, можно остаться навсегда лежачим больным. Однако Салават не подозревал о нависшей угрозе.

Военврач Васильев считался способным врачом-травматологом, поставившим на ноги многих людей. Но обе операции подряд, сделанные Салавату, дали отрицательный результат. В его практике еще не было такого случая. Он десятки раз ворошил бумаги Салавата, тщательно, до рези в глазах, рассматривал и сравнивал рентгеновские снимки. Но сколько ни ломал голову, не мог выяснить причину неудач.

Салавату же становилось хуже день ото дня. Приподняли медсестры злополучную правую ногу — кожа на сгибе колена покраснела. Прикоснулись к ней щипцами с проспиртованным бинтом легонько — кожа тут же слезла. А задний подъем пятки уже лишился кожи и виднелась кость. Эта напасть была смертельным врагом лежачих больных — пролежнем... Чем больше пролежней, тем быстрее больной может уйти в иной мир. Потому как организм выдыхается, тратя все силы на борьбу с ними. Недавно солдат из их палаты, весь в пролежнях, впал в уныние, перестал есть-пить, справлять нужду. Он все время лежал молча, глядя в потолок, а потом тихо умер.

Николай Михайлович был вконец озадачен: что за невезучий солдат этот Байгазин? Обе операции только ухудшили его состояние, что бы ему ни делали — все наперекосяк. Мало того, еще и пролежни возникли.

Салавату обрабатывают и перевязывают пролежни каждый день, а проку мало. Поздно спохватились... Выяснилось: ткань подставки, на которой лежала нога, была с небольшой складкой (брак изготовителя). Эта-то

складка в несколько миллиметров и загубила кожу под коленом.

К дыркам в ноге, просверленным под спицы аппарата, несколько раз в день следует прикладывать про- спиртованные кусочки бинта. Но медсестра экономит спирт — ей хочется унести его домой. А у Салавата вскоре один из проколов покраснел и опух.

Увидев очередной неприятный сюрприз, военврач Васильев зло усмехнулся: значит, и инфекцию занесли. А она спровоцирует спицевой остеомиелит — бедренная кость начнет гнить... Только этого не хватало, черт побери! Неужели перерастет в гангрену?

Салават от невыносимых болей так исхудал, что остались кожа да кости. Однажды, когда готов был лезть на стенку от боли, почему-то проплыли перед глазами величественные горы Афганистана. И тогда он взял из тумбочки тетрадь и принялся торопливо набрасывать рисунки. Боль каким-то чудом утихла...

Салават с головой окунулся в чудесный мир творчества: вдохновенно рисовал афганские этюды. Он переносил на бумагу хранившиеся в памяти виды Афганистана: горные цепи с облаками у вершин, бурную горную реку, устремившуюся вниз, ущелья, долины... Творческий азарт полностью охватил его, заставив забыть о страданиях и незавидном своем положении. Более того, он стал испытывать радость и высочайшее душевное наслаждение. Сладчайшие муки творчества затмили муки телесные...

Начиная с того дня, как Салават дрожащими пальцами взял в руки карандаш и бумагу, он уверенно пошел на поправку. С помощью аппарата Илизарова военврач Васильев все-таки поставил ему бедро на место. Хорошее приспособление изобрел доктор Илизаров, оно спасло Салавата от ампутации. Крепкий и молодой организм Салавата смог победить и коварные пролежни. Но на теле остались большие шрамы. Спустя три месяца аппарат с Салавата сняли, но заковали в гипс от груди до кончиков пальцев ног. Еще через сорок дней гипс разрезали огромными ножницами для резки металла и перевели Салавата в отделение гнойной хирургии. Прав был Васильев: занесенная инфекция вызвала остеомиелит, и часть бедренной кости сгнила. Слишком дорого обошелся ему сэкономленный медсестрой спирт.

К счастью для Салавата, заведующий отделением хирургии подполковник военно-медицинской службы Виталий Никитич Антонов оказался врачом с золотыми руками. Он провел операцию филигранно: вскрыв ногу, специальным молотком и зубилом отколол по кусочкам поврежденную часть бедренной кости.

Вместо удаленной части потихоньку вырос хрящ новой кости, разрезанная кожа затянулась. Конечно,

слова каждой операции изрезанные скальпелем раны болели по трое суток. Но приходилось терпеть.

Через несколько месяцев Салавата перевели в отделение нейрохирургии. После проверки чувствительности ноги электроаппаратом военврачи вынесли вердикт: операция больному не поможет, его уже не удастся поставить на ноги.

Но подполковник военно-медицинской службы Рашит Губайдуллович Хайбуллин решил рискнуть. Мало того, он задумал оперировать одновременно обе ноги: зашить нерв малоберцовой кости на левой и соединить поврежденные при установке аппарата Илизарова нервы на правой. Если получится — убьют двух зайцев одним выстрелом!

Провести разом две операции, так же как и выдержать их, — дело нешуточное. Салавату пришлось лежать под общим наркозом гораздо больше времени, чем следовало. Потом с трудом пришел в себя. От невыносимой жажды губы и горло сильно пересохли, язык прилип к небу. Он слабо застонал и с благодарностью почувствовал, как к устам приложили смоченный водой обрывок бинта. Кусочек мокрой ткани вдохнул в него жизнь и подействовал словно долгожданный дождь на полузасохшее растение.

Когда в Афганистане Салават по несколько суток не спал и на изнурительных маршах иногда засыпал на ходу, он был уверен, что самое сладкое — это сон, когда приходилось голодать, решил, что самое вкусное — хлеб. Ан нет, оказывается, самое вкусное и драгоценное на свете — вода... Осознание сей истины стало очередным открытием для Салавата.

Военврач Хайбуллин не имел ученых степеней, но был хирургом высочайшей квалификации. Позже Салавату делал операцию доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы Микиткин. Якобы используя собственный метод, пришел связки левой ноги. Потом Салават убедился, что было бы лучше, если б эту работу самым простым, но надежным способом выполнил Хайбуллин — хирург без всяких почетных званий, но доктор от Бога...

Не все золото, что блестит, и не всякое высокое звание — настоящее. Эту правду Салават познал на собственном теле.

Позже Микиткин предлагал:

— Аппарат Илизарова был установлен неправильно. Поэтому искривилась стопа ноги. Если хочешь, попробую исправить: отрежу ахиллово сухожилие, удлиню, сломаю и выпрямлю стопу...

Салават поспешил отказаться. Он уже знал: есть среди хирургов и такие, кому хлеба не давай, только дай поэкспериментировать на живых людях ради защиты диссертаций. Многие откровенно гоняются за числом

выполненных операций. Зачем им это? Для авторитета? Или им платят сдельно исходя из количества операций? Например, чтобы установить аппарат Илизарова, Салавату сделали целых три операции! В первый раз просверлили восемь дырок для спиц, во второй — две, а в третий — всего одну спицу поставили! А ведь нужно готовиться к операции: нельзя ужинать и завтракать. Больного на несколько часов усыпляют, вводя через капельницу огромную дозу наркотических средств, — он даже не чувствует, как его режут по живому. Затем в течение четырех дней колют обезболивающие препараты, чтоб унять невыносимую боль. Опять-таки стрессы, не проходящие бесследно. Многие испытывают страх перед операцией. Но Салават решил для себя: нет смысла бояться. Если суждено умереть — от смерти не уйдешь.

Достал уже его этот профессор! Приходит с выводком курсантов-практикантов, и тычет в Салавата указкой, и талдычит, будто он для них подопытная собака Павлова или редкий музейный экспонат...

После операций Хайбуллина, равных высшему пилотажу, к правой ноге вернулась чувствительность. Честно говоря, Салават тому не особо обрадовался, так и не успев понять, что без осязания ноги не смог бы ходить.

И старшина Копытов не отдал его под трибунал, наоборот, подал рапорт о поощрении, и Салавата наградили орденом Красной Звезды. Получить орден, конечно, было приятно, но безмерной радости он не испытал. Потому что был полностью охвачен творческим вдохновением, вырастившим крылья на его исхудавших плечах.

Какая еще на свете отрада может затмить удовольствие от получения ордена и даже облегчить муки телесные? Всевышний сотворил Адама по Своему образу и подобию. Наверное, это подобие кроется в способности человека к творчеству. Пишут, что каждый человек рождается с каким-либо дарованием, но, к сожалению, не все могут раскрыть свой талант. А радость творчества, оказывается, есть наивысшее счастье и блаженство в этом мире. Осознание сей истины стало для Салавата самым большим духовным открытием на сегодняшний день. К творчеству он пришел через большие потери и тяжкие муки.

* * *

За два с половиной года Салават перенес под общим наркозом девять операций. Пережитых под местной анестезией он даже не считал. Начиная с пятой операции, начал заново учиться ходить. Слава Аллаху, он остался жив и встал на ноги. Если суждено — человек выживает даже после такой мясорубки. Иссякнет отпу-

щенная вода и отмеренный рызык — умирает и от незначительной раны или причины. Похоже, верно говорили бабушка Гульфариза: каждый человек рождается на белый свет с уже написанным на лбу такдир¹ — судьбой. Но каждый человек обязан стремиться к добру. Это и есть жизнь.

Лежать на спине более года было тяжело. Спина устала неимоверно. Будь он богачом — ради того, чтобы хоть немного полежать на боку, отдал бы половину богатства, будь царем — не пожалел бы полцарства... Но Салават не богач и не царь. Все его имущество нынче — орден Красной Звезды, удостоверение инвалида второй группы и костыли, прислоненные к кровати.

Он раньше даже не подозревал, что не только возможность ходить на своих ногах, даже способность повернуться на бок, еще насущнее — по-людски справиться нужду — само по себе огромное счастье...

Как же удалось Салавату вынести нестерпимые муки? Оказалось, человек многое может выдюжить, как и привыкнуть к любым условиям. Но он и самому заклятому врагу не пожелает мучений, пережитых в госпиталях.

«За какие грехи обрек меня Всевышний на такие муки телесные?» Салават много раз задавал себе этот вопрос, но не находил ответа.

Велико милосердие Всевышнего. Он пришел к такому выводу после долгих раздумий. Подробно расспрашивал у товарищей в госпиталях и узнал: никто не чувствовал боли при ранении. Даже умирая, сосед по палате шептал: «Какие красивые девушки!» С улыбкой на устах. Мечтал он о девчатах. Признался Салавату по секрету, что не познал еще ни одну. Второй ушел на тот свет со словами: «Вот и прилетели мои голуби...» Выходит, в последние мгновения жизни они видели именно то, что любили...

Еще одну милость Всевышнего постиг Салават: человек в тяжелом состоянии, тем более обреченный, не осознает реально своего положения.

«За какие же грехи обрек меня Всевышний на такие мучения?» Лишь только прошептал-простонал он этот вопрос, перед глазами снова возник человек в кандалах с изуродованным лицом, казавшийся ему таким родным. Салават пытался узнать: кто же он? Вдруг заметил: да у него тоже разодран нос и на лице такие же шрамы, как у него! Вот закованный джигит исчез, и уже в который раз промелькнул младенец в люльке, качающейся на раскидистой ветви дерева.

После сеанса Лилит сказала:

— Тебя омыли водой святого источника.

— Да, заставили полностью обтереться, — вспомнил Салават. — А что за движения я совершал?

¹ Такдир — вера в предопределение Аллаха.

— Упражнения тибетских монахов. С их помощью дух приходит в гармоничное, высокое состояние.

— Раньше полагал, что эти упражнения они придумали сами. Получается, Всевышний ниспослал их монахам?

— Выходит, что так, — согласилась Лилит, — ведь не знал ты эти упражнения раньше, им научили тебя под каналом свыше.

— Это чудо Аллаха! — с вдохновением воскликнул Салават.

— Несколько раз тебе показали колесо времени — быстро вращающееся золотое колесо со знаками зодиака двенадцати созвездий на Млечном пути, — продолжила Лилит.

— Что это значит?

— Под влиянием каналов космоэнергетики тебя ускоренно очищают от грехов. Это называется «быстрая отработка кармы».

У испытывавшего душевное потрясение Салавата пронеслось в голове: «О, Господь, каюсь пред Тобой, преклонив колени, — прошу, прости грехи мои! Не повторю их больше... Я все понял. Не сверну теперь с пути истинного. Безгранично благодарю Тебя за то, что после стольких грехов вывел меня на правильный путь! Прошу, не лишай милости своей и мать, и жену, и детей моих».

* * *

Вот уже около полутора часов Салават стоит под каналами. Он порядком устал. Нагрузки с каждым днем возрастают. Сегодня тоже непроизвольно выполнял упражнения тибетских монахов, чередуя с разными способами дыхания. Затем всем телом воспроизводил различные стойки и движения воинов. Во время сеанса, как объяснила Лилит, ему дают знать: душа его день ото дня становится чище, тоньше, и он, кажется, многое начинает понимать.

...Неожиданно пришел в голову сюжет картины под названием «Командировка». «Действительно, мы в этой брэнной жизни находимся как во временной командировке. А у нее бывает четкая цель. Настоящая жизнь — по ту сторону. Я давно предполагал: наверное, на том свете намного лучше, чем на этом. Разумеется, для чистых душ. Если моя мысль верна, то можно ли высказать ее людям? Ведь художественная литература и искусство, напротив, обязаны утверждать жизнь, укреплять великое чувство надежды, вложенное в души человеческие. Многого еще не знаю. Вернее, совсем ничего не ведаю...

В девяносто первом году начал изучать Коран, но сумел прочесть лишь одну четвертую часть. Видно,

грехи делали сердце глухим к содержанию священной книги.

Слава Богу, сердце мое становится чище. Чувствуя это, душа испытывает радость. Ведь лишь тогда, когда совесть моя чиста, я могу писать картины. Не стану больше загрязнять себя, буду всячески избегать дурного и греховного. Настало время обуздать горячность и грубость. Я должен стать мягче по отношению и к близким, и к дальним. Особенно к Лилит. Она не выносит жесткости и резкости во мне, из-за этого ссоримся часто. Сколько раз я давал себе зарок! Однако сам не замечаю, как срываюсь на грубость. А она человек тонкокожий, обижается по мелочам. Быть может, каналы космоэнергетики помогут нам стать терпеливее друг к другу и мудрее?»

В этот момент перед глазами Салавата предстал Шагидулла-атай. Много лет спустя он понял, что отчим был очень похож на первого космонавта Юрия Гагарина: такие же ясные голубые глаза, улыбочивое лицо.

...Однажды во время весеннего половодья они переправились на катере через реку Агидель и пошли к содовскому кольцу. Шагидулла-атай с сумкой в руке неспешно идет уверенными шагами. Едва не касаясь отчима, с натужным гудением и урчанием моторов, иногда недовольно сигналив, мимо проезжают огромные груженные машины. За ним еле поспевает мать, держащая за руку Салавата, и опасно просит:

— Шагидулла, тебе говорю, Шагидулла... Пожлуйста, иди по краешку дороги, не угоди под колеса...

Сколько уже раз мать повторила эти слова? Но Шагидулла-атай молча шагает себе дальше, будто не слыша ее мольбы.

Покончив с делами в городе, направились обратно домой — а катера для переправы не оказалось... Шагидулла-атай, недолго думая, спустился к сваям деревянного моста, который разбирали каждую весну перед половодьем. Весенняя река шумно бурлила, бушевала, норовя вырвать сваи и унести далеко-далеко.

Мать Салавата снова принялась приговаривать:

— Шагидулла, Шагидулла... Прошу тебя, не подходи близко к реке! Если приступ схватит — свалишься да уплывешь, в жизни не найдем. Не подходи к воде, послушай меня!

Однако Шагидулла-атай, не обращая на нее внимания, постоял, долго вглядываясь в сваи, и перевел взгляд на скользящие по стальным канатам вагонетки, перевозящие через Агидель шахтауские камни. И тут его лицо осветила гагаринская улыбка. Ни говоря ни слова, он заспешил наверх к пригорку.

— Шагидулла, ну куда ты пошел?

Отчим быстро вскарабкался вверх по железным столбам-опорам, на которых были закреплены сталь-

ные канаты, с ловкостью хищника прыгнул на одну из проезжающих в сторону горы Шахтау вагонеток и через минуту уже переправлялся через бурлящую Агидель.

— О Аллах, лишь бы в реку не упал! — причитала мать, крепко держа маленького Салавата за руку.

Вскоре на поверхности широко разлившейся, бешено клокочущей реки показалась лодка. Чуть погодя, Салават узнал сидящего за веслами человека и воскликнул:

— Шагидулла-атай! Это Шагидулла-атай плывет на лодке!

— О, Аллах, лишь бы приступ не начался, лишь бы не утонул, лодка не перевернулась, — еще сильнее распереживалась мать.

Пока все обошлось. Нос лодки со скрежетом уткнулся в галечник берега, и отчим скомандовал:

— Быстренько садитесь!

На обеспокоенном лице матери мелькнул страх, но она не смогла перечить мужу и поспешила к лодке. Салават тоже заторопился за ней.

Шагидулла-атай направил лодку в центр яростно бушующей водной стихии. Его могучие руки играючи орудовали веслами. Отчим у Салавата — силач: с легкостью ломает подковы. Однажды сжал пальцами двадцатикопеечную монету, стал гнуть быстро-бы-

стро и разломал ее надвое. Просто ради интереса. Когда вырастет, Салават тоже будет сильным, как он...

Мать, крепко обняв Салавата, сидела на лодочной скамейке и шептала молитвы. Салават потянулся в сторону, желая окунуть руку в пенящуюся воду, но мать сердито прижала его к себе:

— Куда тянешься? Сиди смирно!

Ребьчьим рассудком Салават не осознавал всей опасности ситуации.

К счастью, они благополучно переправились через грозный водный поток и приткнулись к песчаному берегу. Только успели выпрыгнуть из лодки, к Шагидулле-атаю подбежал какой-то мужик и, размахивая сжатыми кулаками, заорал:

— Ты зачем лодку увел?! Сейчас я тебя проучу! Вот...

Отчим, не говоря ни слова, посмотрел на него так, что мужик тут же запнулся, как бы проглотив рвавшие с языка бранные слова. Видно, хозяин лодки быстро уразумел значение взгляда, не обещавшего ему ничего хорошего.

Шагидулла-атай приказал матери:

— Дай ему копеек пятьдесят!

Когда мать Салавата протянула лодочнику пятидесятикопеечную монету, его побледневшее лицо немного прояснилось.

— С этого бы и начинали, — пробурчал он себе под нос.

На другой день Салавату снова выпало приключение. Как всегда, играли с друзьями в войну. Когда пробежал около сарая Аюп-агая, из конуры, гремя цепью, вылезла борзая, ростом с теленка, и кинулась на него. Салават давно мечтал о собаке и ничуть не испугался, наоборот, протянул руку, подзывая ее. Но борзая была настроена недружелюбно: стремительно набросилась на Салавата, укусила в левое предплечье и с чувством исполненного долга забралась обратно в конуру. Почему-то он не испытал ни страха, ни боли, еще раз внимательно посмотрел на грозную собаку и продолжил игру.

Домой пришел лишь к вечеру. Повесив бушлат на гвоздь, хотел было снять зеленый бумазейный свитер, а он прилип к ране. Тут только вспомнил о собачьем укусе. Чтоб не узнала мать, скорехонько поел и лег не раздеваясь.

— Ты почему не разделся? — насторожилась мать.

— Сегодня посплю так, вдруг ночью похолодает, — попытался схитрить Салават, стараясь казаться равнодушным.

Мать, почуяв неладное, подошла к нему. Осторожно помогла снять свитер и оторопела — из открытой раны на предплечье торчали желтоватые обрывки жира.

Дома поднялся переполох. Не на шутку перепугавшись, мать и неродная бабушка засыпали вопросами:

— Что случилось? Что с рукой? Кто поранил?

— Собака укусила, — ответил Салават.

Страх взрослых перешел и к нему.

— О, Аллах, что же нам теперь делать? — заметалась бабушка.

— Я приведу медсестру! — Мать, спотыкаясь, выбежала из дома.

Побледневший отчим задал Салавату всего один вопрос:

— Чья собака укусила?

— Борзая Аюп-агая...

Получив ответ, молча вышел.

Утром стало известно всему аулу: Шагидулла-атай отрубил бедной собаке голову.

Салавата отправили в больницу лечиться: каждый день, смазав вонючей мазью, перевязывали рану, делали уколы. Здесь он подружился с мальчиком по имени Земфир. Тот старше на год, учится во втором классе. Земфир попал сюда из-за того, что неожиданно лопнула лампочка и ему в глаза попали мелкие осколки стекла. Еще в их палате лежала Таня, девочка лет трех-четырех, круглая сирота. Грустно улыбаясь, она спросила у Салавата:

— У тебя есть мама?

— Да, — равнодушно ответил Салават.

— А папа?

Чуть поразмыслив, Салават представил перед собой отчима и разок увиденного родного отца, затем вскинул два пальца:

— Есть. Двое!

Таня горько заплакала:

— У тебя двое пап, а у меня ни мамы, ни папы не-е-ет!..

Кроме них, в палате лежали несколько женщин с малыши детьми. Они кинулись утешать рыдающую девочку:

— Не плачь, Танечка, вот тебе конфетка. — Одна протянула конфету, вторая — пирожок, другая попыталась отвлечь ее внимание куклой.

Однако Таня не желала успокаиваться:

— Не нужна мне конфетка! И пирожок не нужен! И кукла тоже! Мне мама нужна! Почему-у-у у меня нет мамы?! — продолжала она плакать.

Не зная, что и делать, одна из женщин сказала ей:

— Не плачь, Танечка, будет у тебя мама, будет!

Сирота тут же прекратила плакать и всмотрелась в нее чистым взглядом с загоревшейся искоркой надежды:

— Правда? У меня будет мама?

— Будет, Танечка, будет!

Немного подумав, Таня спросила:

— Тетенька, а когда она будет?

— Когда вырастешь, тогда и будет.

Радостно заулыбавшись, Таня захлопала крохотными ладошками:

— У меня будет мама! У меня будет мама! Когда вырасту, у меня будет мама!

Эх, Таня-Танечка, совершенно беззащитная маленькая девочка. У тебя ведь никого-никого не было в этом огромном мире... Где ты теперь? Жива ли? Нашла ли ты маму, о которой так мечтала, отыскала ли свое счастье на белом свете? Да будет милосерден к тебе Всевышний!

Спустя две недели Салавата выписали из больницы. Когда его увозили, на деревьях лишь набухали почки, а к возвращению ветки успели покрыться изумрудно-зелеными листочками.

Пока Салават был в больнице, отчим успел влипнуть еще в несколько историй: побил Миргали-агая, недавно переехавшего из города и купившего дом по соседству, отдубасил в клубе пытавшихся подшутить над ним подвыпивших парней.

Отчим Салавата был человеком своеобразным, можно сказать, с уникальным характером: немногословен, педантичен, упрям, крайне вспыльчив. Он никому не подчинялся, все делал по-своему. Не то что

каким-то чинушам, даже царям бы не покорился. Его упрямство, упорство и решительность порой доходили до безрассудства. Как еще он с таким нравом служил в армии? После полутора лет службы в Германии его комиссовали — случился приступ эпилепсии.

Шагидулла-атай не только дрался, но и работал за троих, был мастером на все руки и лучшим столяром в округе. Инструменты у него в мастерской висели или аккуратно лежали каждый на своем месте: топоры, молотки, несколько видов пил, ножовки, долота, рубанки, фуганки, стамески, коловорот, циркуль, рулетка, сверла. Аульчане заказывали ему двери, косяки, оконные рамы, ставни, шкафы, комоды, столы и стулья.

Однажды Шагидулла-атай в городе увидел диван. По обыкновению, ничего не сказав домочадцам, принялся за дело. И за несколько дней смастерил замечательный диван. Спинку сделал съемной, обтянул мебель темно-красной тканью. Даже пружины изготовил сам, согнув из жесткой проволоки.

Шагидулла-атай имел неполных пять классов образования, но запоем читал книги, взятые из библиотеки клуба. Оказывается, в подростковом возрасте его исключили из школы. Причина та же — необузданный нрав. За шалость на уроке учитель схватил Шагидулла за шкурку и потащил к двери, а он, недолго думая, свалил ударом мужчину-педагога. Дело было в конце сороковых годов. А в те времена авторитет учителя был на недосягаемой высоте. После этого конфликта и случился с ним первый припадок. Знающие люди посоветовали бросить одежду, которая была на нем во время приступа падучей, в реку, чтоб вода унесла болезнь. Но бабушка Уммикамал пожалела одежонку.

Несмотря на буйный нрав, отчим никогда не обижал пасынка. Даже слова обидного не сказал. За восемь лет лишь раз выказал ему недовольство — когда Салават заигрался на улице и не встретил корову из стада. Да и тогда мать быстро прервала мужа. Он осекся на полуслове, не стал продолжать.

Наверное, коротка бывает жизнь у человека с таким характером. Здоровый, как бык, и сильный, словно батыр, Шагидулла-атай умер всего в тридцать пять лет.

Во время летнего селлэ¹ привезли сено. Торопливо выгрузив его, отчим не стал укладывать сено в копну, потому что бабушка Уммикамал к их приезду затопила баню. Очень уж любил он париться. После помывки, по обыкновению, прилег на топчан. Как назло, тут неужи-

данно поднялся сильный ветер, раскатисто прогремел гром и надвинулся ливень.

Шагидулла-атай, еще не остывший после бани, выбежал из дома и торопливо закидал сено под навес. Но, как ни спешил, все-таки попал под сильный дождь. Закончив работу, несвойственными себе тяжелыми шагами зашел в дом, лег на топчан и больше уже не поднялся на ноги. Утром не мог говорить. Его отправили в больницу. Там он и скончался, пролежав больше недели с температурой выше сорока.

Отчим снится Салавату нечасто. А когда привидится изредка, улыбается точь-в-точь как Юрий Гагарин. Такие сны всегда к добру, после них случается радость или удача. «Пусть земля будет тебе пухом, а душа пребудет в раю, Шагидулла-атай. Пусть и твое последнее прибежище будет спокойным, просторным и светлым, неродная моя бабушка Уммикамал. А мне надо найти время и сделать надгробья для ваших могил».

Тут музыка оборвалась, и очередной сеанс закончился.

* * *

Салават сегодня встал под канал в седьмой раз и начал сразу с гимнастики. От сеанса к сеансу он непроизвольно выполнял все новые и довольно-таки сложные движения. Было немало растяжек, потягиваний и дыхательных упражнений.

Он трижды произнес «аминь», покался, попросив Всевышнего простить грехи и вывести на прямой путь.

Сегодня он подумал: похоже, под каналами управляют даже мыслями. Либо, нежданно показав что-нибудь, направляют поток мыслей в нужную сторону.

После интенсивной физической нагрузки он вдруг резко остановился и почему-то отчетливо увидел детское лицо одноклассника Венера Бакирова — светленького мальчика с голубыми, как небо, глазами и невинной улыбкой, напоминающего ангелочка с картинок. Мельком промелькнул и другой его образ: в молодости он был как две капли воды похож на французского киноактера Алена Делона. Затем предстал перед глазами Венер нынешний — посиневший от беспробудного пьянства, с беззубым оскалом...

Потом вспомнил, как тридцать три года назад мести кизяк соседской старушке Алмабике. Замешивание кизяков — большое умэ², в нем участвуют и стар и млад. Мужчины таскают воду и льют в большую кучу навоза, которая постоянно утаптывается с помощью лошади. Верхом, конечно же, важно восседает друг Салавата — Гали. Ведь хозяин гнедого жеребца — его

¹ Селлэ — полный цикл одной из фаз лета или зимы. Приходится на самый жаркий (40 дней, с 25 июня по 5 августа) и самый холодный периоды года (40 дней, с 25 декабря по 5 февраля).

² Умэ — коллективная помощь в каком-либо хозяйственном деле.

отец. Готовый замес накладывают вилами в приспособление, прицепленное к тарахтящему трактору, где навоз смешивается и прессуется. На выходе из немудреного агрегата сплошную ленту навоза режут лопатой на кирпичики. А разновозрастная детвора бегом растаскивает их и расставляет в ряд для просушки.

Хоть детишки и вымазываются по самые уши, такое умэ не просто веселое дело для них, а настоящий праздник. Увлечшись работой, Салават и не заметил, как кто подошел к нему.

— Здравствуй, улым!

Он оглянулся и увидел улыбающегося отца. Это была их третья встреча. От аккуратно одетого отца приятно пахло одеколоном, который разительно отличался от густого сладковатого духа навоза. Оказывается, его тоже позвали на умэ.

Закончив работу, с шумом и гвалтом побежали к реке купаться. Только успели смыть с себя навоз, их позвали в дом.

Взрослым приготовили угощение в доме, ребятне — в чулане. Хозяйка, довольно улыбаясь, с шутками-прибаутками раздала детворе по пятидесятикопеечной монете: «Держите, по работе и плата, по товару и цена! Молодцы, не подкачали, работой — сыт будешь, учишь — умен будешь! И ты держи деньгу — работа черна, да денежка бела. Спасибо, ребятки, выручили. А теперь угощайтесь на здоровье — работой до поту, поешь хлеба в охоту». Знают они — носильщикам кизяков принято платить. Зажав монеты в маленьких ладошках, мальчишки воодушевились. Как бы то ни было, полтинник — деньги немалые. Их хватит, чтобы десять раз сходить в кино. А еще можно закупить на них кучу пряников и конфет.

Маленькие работники угощались чинно, зная себе цену, а взрослые гудели за стеной. Дети уже знают — они пьют брагу.

Тут к ним, держа в руках полный стакан, вышел парень по имени Зуфар и с хитрой улыбкой предложил:

— Ну как, Гали-батыр, в какашках богатырь, может, пропустишь один стакашок?

Гали — самый ловкий и сильный среди мальчишек. И верхом скачет лучше всех. К тому же младший сын бригадира Галлям-агая. Конечно, гордому Гали не понравилось такое обращение. Побагровев от злости, он сердито ответил Зуфару:

— Почему один, я и два могу!

Гали на одном дыхании опустошил стакан.

— Ну ты джигит! Видать, правда, батыр. — Зуфар подмигнул взрослым, дескать, подшучивает над мальцом. — Опрокинешь еще одну? — Он снова протянул Гали полный стакан.

— Ты что делаешь? — Старуха Алмабика испуганно посмотрела на Зуфара и потянулась к Гали, да не успела — он уже схватил стакан.

— И вторую могу! — Мальчишка выпил залпом второй стакан.

— Может, и тыхватишь одну? — Зуфар с усмешкой повернулся к Салавату.

Тот не успел ответить, к ним подошел отец.

— Ты чему ребятишек учишь? — Отец строго отстранил Зуфара и протянул Салавату куриную ножку: — Держи, улым, ешь.

Салават растерялся, не зная, что делать. Хозяйка подбодрила его:

— Бери, сынок, отец тебе свою долю отдает.

Салават несмело взял куриную ножку. Многого он потом не вспомнит, но этот окорочок не позабудет никогда. Пройдет много лет, он сам станет отцом пятерых детей и однажды утрет скупую слезу, вспомнив вдруг ту отцовскую долю.

Салават успел увидеться с ним всего шесть-семь раз. Как же нелепо пропал отец... Так его не хватало. И все жизнь не хватало. Эх, был бы жив...

Четвертая встреча была печальной. Увидев издали, как возле маленького деревенского клуба галдит толпа мужчин, подошли с мальчишками поближе. А там отец схватился с Басир-агаем — борются на потеху людям. Оба уже выбились из сил.

А бывший ученик отца, пару лет назад вернувшийся в аул после университета, Ахтям-агай, размахивая двумя рублевыми купюрами, подзадоривает их:

— Давай-давай! Кто победит? Победителю — одна бомба!

Взмокший отец, сделав резкое движение, уже который раз бросает соперника через грудь на зеленую траву. Отерев рукавом пот со лба, в очередной раз потянулся к руке судьи:

— Давай приз!

Ахтям-агай с издевательской ухмылкой прячет руку за спину:

— Нет уж, брось на спину! Как сам учил нас, так и сделай — бросай чисто! Давай, давай! Приз получишь после чистого броска!

Оба борца, видно, сильно маялись похмельем, сцепились снова. А с усмешкой следящие за зрелищем мужики опять громко загоготали.

Собрав остатки сил, отец бросил соперника через голову.

— Вот это бросок! Афарин¹, держи приз! — Довольно усмехаясь, Ахтям-агай всучил отцу две рублевые бумажки.

¹Афарин — возглас одобрения, похвалы, восхищения.

Получив деньги на «бомбу», отец, не обращая внимания на Салавата, поспешил в магазин. Басир увязался за ним.

Спустя несколько минут оба вышли из магазина, и тут же алчно накинудись на восьмисотграммовую бутылку вина, будто заблудившиеся в пустыне и изнывающие по глотку воды путники. Отец жадно, на одном дыхании опрокинул в себя из горла полбутылки и притих, глядя-вываясь затуманенным взглядом в дальние поля за рекой.

Басир-агай, опустошив бутылку, понюхал рукав грязной рубахи, затем удовлетворенно выдохнул: «Ух, как хорошо! Выпьешь — и сразу так здорово!» С этими словами он тоже отдался сладостным мечтам.

Унизительное поведение отца сильно уязвило самолюбие Салавата. Он задумался: неужели водка настолько вкусна? Решил спросить у закадычного друга — наверняка Гали знает об этом лучше:

— Гали, а водка вкусная?

— Нет, — скривил упитанную, действительно напоминающую круглый беляш мордочку Гали. — Я тоже думал, что вкусная. Попробовал из отцовского стакана — ой, горькая...

Это событие оставило глубокий след в душе Салавата. Больше тридцати лет прошло, а он до сих пор не может его забыть. Особенно возмутила выходка Ахтям-агая, в душе зародилась неприязнь к нему. Нутром понимал — людей нужно прощать, но обида продолжала плести в сердце.

Хорошо это или плохо, но после того случая Салават всю жизнь не выносил тех, кто пытался над ним насмеяться, унижать. Многое прощал он людям, даже предательство, но человека, посягнувшего на его честь и достоинство, тотчас заносил в список непримиримых врагов. Кстати, таких всего-то несколько, но все наперечет...

А ведь еще совсем недавно отец Салавата был лучшим учителем физики и математики в районе. Позже он узнал, что многие ученики отца с легкостью поступали в технические институты. Это в шестидесятые-то годы! А теперь он терпел оскорбление и унижение от одного из них.

Да еще Гали подсыпал ему соли на рану:

— И зачем только твой отец смешит людей из-за какой-то бомбы?

До Салавата изредка доходили слухи о пристрастии отца к выпивке, но он не представлял, что тот скатился настолько низко.

Да, всего-то несколько лет назад отец был первым человеком в ауле. Для здешней детворы и молодежи находился на высоте кумира. Кроме точных предметов, обучал их национальной борьбе и танцам. Сам он, исполнив народный танец, занял первое место в зональ-

ном конкурсе и был приглашен на республиканский. Но по причине похмелья спрятался от людей, приехавших за ним, в туалете. Видно, побег в сортир вместо поездки на республиканский конкурс стал важным выбором, определившим его дальнейшую судьбу.

Салават сейчас — десятилетний мальчик, испытывший потрясение при виде так низко павшего родного человека, а его отец, лишь недавно бывший в центре всеобщего внимания и уважения, больше не школьный учитель — он скотник на ферме. От него теперь не пахнет одеколоном, а разит тяжелым перегаром вперемешку с запахом навоза и силоса.

Салават еще не понимает, что желающие унижить другого найдутся всегда, просто нельзя им этого позволять, но отец, сознание и воля которого помутились спиртным, забыл уже не только об этом, но и о чести и достоинстве.

Много лет спустя ученики отца, подошедшие к шестому десятку, делились с Салаватом теплыми воспоминаниями о нем, хотя имя отца в ауле понемногу забывалось. Оказалось, он давал ученикам знания не только в области точных наук. На классных часах рассказывал о великих образцах мировой культуры и литературы. Ученики особенно любили слушать урок по трагедии Шекспира «Гамлет, принц датский», часто просили его повторить.

— Твой отец точно настоящий артист, вдохновенно, с блестящими глазами читал нам наизусть:

Быть или не быть?

Вот в чем вопрос...

Получается, на вечный вопрос и вечный выбор «Быть или не быть?» отец ответил самоуничтожением от пьянства — «Не быть...»

А сколько еще миллионов сильных и здоровых мужчин во всем мире ответили и отвечают на этот вопрос отрицательно? Что причиной тому?

Отец Салавата распрощался с жизнью всего в сорок лет.

* * *

Несмотря на накопившуюся усталость, Салават считал подготовку к посвящению наиважнейшим делом и продолжал каждый день стоять под каналами.

Работы было невпроворот, да еще пожарные добавили хлопот: пеняя на несоответствие нормативам, закрыли две торговые точки. Салавату пришлось в короткий срок нанять мастеров и заново отделать помещения, используя нескораемые стройматериалы.

Позже дошел слух, что пожарных на него навел конкурент. В прошлом году Салават, проявив расторопность, утер ему нос — обставил в борьбе за теплое место под солнцем. Тот, выходит, отомстил по-своему...

Ну да ладно, хорошо, если конкурент на этом успокоится. Обострение конфликта никому не пойдет на пользу. Если вражда между ними углубится, оба будут вынуждены потратить немало сил и средств. И кто знает, до чего еще докатятся в этом противоборстве.

Да еще в магазин нагрянули какие-то «быки», строящие из себя крутых рэкетиров, — предложили крышевание. Он умеет разговаривать с такими. Но подобные разборки — тоже дело не из приятных.

Причину навалившихся на него проблем Лилит объяснила просто: увидев, что Салавата готовят к большому посвящению, темные силы стараются вставить палки в колеса. Он и сам отлично понимает: будние хлопоты и мелкие стычки, отнимающие много времени и сил, — сущий пустяк по сравнению с посвящением.

Во время очередного сеанса снова Салавату дали интенсивные физические нагрузки. Похоже, он постепенно к ним привыкает, сегодня не сильно устал. Эти упражнения оказались настолько эффективными, что за короткое время он сбросил вес, каким-то чудом стал выше ростом, ощутил духовный подъем, у него развились мускулы, почти исчезла хромота...

Вот он непроизвольно нащупал указательным пальцем нужное место на груди и долго нажимал на него и тер — делал точечный массаж. Позже понял, что это биологически активная точка.

Как в полусне выполнил семьдесят семь приседаний. Душа его распахнулась, а сознание словно сбросило пелену, и он, в очередной раз покаявшись, вновь обратился с мольбой к Аллаху: «О Всевышний, безгранично благодарю Тебя за то, что привел меня в этот мир! Прошу, помоги реализовать дарованный Тобой талант, написать совершенные произведения, внести посильный вклад в наставление человечества на путь истинный и служить лишь Тебе!» Затем семь раз произнес слово «аминь» и вышел из-под канала.

Во время сеанса у Лилит состоялся, как она выразилась, телепатический диалог с космическим учителем в виде вопросов-ответов:

— Спасибо вам, что очищаете моего мужа от грехов.

— Мы и впредь будем ограждать его от совершения дурных поступков.

— Кем он станет в будущем?

— Великим художником.

— А я?

— Женой великого художника.

— Значит, я сама никто, всего лишь жена великого мужа?

— Если сильно пожелаешь, сможешь стать великой PROVIDИЦЕЙ.

— Что я должна для этого сделать?

— Полностью ослепнуть.

— Лишиться зрения?! Как Ванга? Почему я обязана платить такую высокую цену?

— Если хочешь что-то получить, надо вначале отдать.

— Нет, я не могу отречься от счастья созерцать красоту этого мира! Даже ради великого дара ясновидения!

— Успокойся, никто не заставляет тебя, у каждого есть право выбора. Только потом за свой выбор придется отвечать. Принуждение же силой — запрещенный во Вселенной способ.

— А мой муж? Чем пожертвовал он, чтобы стать великим художником?

— Он еще до рождения остался без отца. Позже прошел огонь и воду. На его теле семь ран, он про сверлен насквозь четырнадцать раз. Больше года пролежал на спине, мечтая повернуться на бок, плоть его в нескольких местах сгнила до самых костей, а тело стало плоским, как у рыбы. Однако благодаря воле Всевышнего и силе своего духа твой муж достойно перенес муки телесные. И все же впереди у него испытания по серьезнее.

— Что же еще суждено ему вынести?

— Никто не уйдет в мир иной, не испытав предначертанное.

— Неужели Салавата ждут испытания тяжелее мук телесных?

— Ждут его... муки душевные, что намного тяжелее мук телесных.

— За что же ему такие страдания?

— Всевышний своих любимых созданий подвергает самым трудным испытаниям, но дает лишь то, что по силам. Ведь эти страдания — еще и цена таланта. Истинный талант, то горя в пламени мук, то окунаясь в ледяную воду страданий, должен закалиться, беспрестанно вертеться в беспощадном колесе жизни, отшлифовать грани, словно алмаз, и заблестать как бриллиант. Даже сгорев дотла, он позже воспрянет из пепла как птица Феникс и воспарит на духовном небосводе человечества. Он не станет воспевать низменное, плотское и суетное, а будет создавать великие произведения о вечном, светлом, чистом и высоком...

Лилит умолкла и задумалась. А Салават, оглушенный услышанным, окунулся в омут глубоких и тревожных мыслей: «Неужели стоящие передо мной творческие задачи настолько серьезны? Стало быть, чтобы реализовать свой талант, мне нужно вынести еще много испытаний, да еще и пережить какие-то душевные муки? Смогу ли я выстоять? О Господь, если возможно, огради меня от таких испытаний. Может быть, полностью отречься от

таланта, от сладких мук и радостей творчества и зажить обычной жизнью? Что делать? Решиться или нет? Рисковать или затаиться? Вот в чем вопрос...» Перед глазами предстал отец. Отец, сбежавший от зова таланта в сортир, а затем утопивший дар на дне бутылки.

«Что делать? Быть или не быть? Вот в чем вопрос...»

Наконец на лице Салавата отразилась решимость: — Будь что будет, не изведать мне больше того, что суждено Всевышним. Быть!.. — А мысли повернули в другое русло: «Чтобы создавать великие произведения, нужно настроить душу и ум на высокие, даже божественные волны».

Окончание следует.

